

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 35, Is. 1, pp. 131–141, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-131-141
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 398.2:821.512.37

The Legend of the First Jangarchi in David Kugultinov and Basang Dordzhiev's Lyrics*

Rimma M. Khaninova¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista Russian Federation). E-mail: haninova@mail.ru

Abstract. The article examines the legend of the first *jangarchi* (Kalm. 'reciter of the *Jangar* epic') in poems of such Kalmyk poets as David Kugultinov and Basang Dordzhiev.

When it came to choose between two legends — of a man or a girl to have performed the first song about Jangar and his heroes — the young poets preferred the legend called '*The Birth of Jangariada*', thus underlying the *Jangar* epic's recitational practices in the context of gender.

Each of the poems by these authors has two variants written at different times.

D. Kugultinov's *Jangarchi Küükn* (*Jangarchi Girl*) was included in his first book *Bay Nasna Shülgüd* (*Poems of the Youth*, 1940). The epigraph containing words of an elderly *jangarchi* was used to establish a connection between the legend of the first *jangarchi* and *Jangarchi Küükn*. The poem — apart from the title and epigraph — consists of 35 unversed lines. The 1963 and 1981 editions — apart from the title and epigraph — contain already 40 lines divided in 10 quatrains. As compared to the first variant, the second one was essentially restructured not only in terms of its form but also in terms of contents.

D. Kugultinov's poem depicts a girl who sings a song to Jangar's heroes. According to the 1940 text, the girl sings to Jangar Khan and his warriors, according to the 1963/1981 texts — to Jangar's heroes. The first variant pays great attention to the girl's beauty, while the second one basically characterizes the heroes. Variant one also mentions no musical accompaniment, there is no motif of the warriors' self-understanding via the song, nor can one trace any motif of kneeling to the girl who thus virtually immortalized their deeds of valor.

Our comparative analysis of the 1940 and 1963/1981 editions has showed that the author turned to different strategies to reproduce the folklore plot, structural and compositional features, artistic and pictorial devices, epic formulas, rhyme system, to combine unrhymed lines, different types anaphora — sound, lexical and syntactical ones. From a perspective of its form, the initial variant is incomplete, while the second one testifies of the attained poetic mastery.

The Russian translation by Ya. Kozlovsky clarifies the poetics of the second variant of the original text.

B. Dordzhiev's *To Jangarchi Girl* (1941, 1959) is essentially comic and proves a poetic reechoing of D. Kugultinov's text. Variant one contains 9 quatrains and 36 lines, and in the second variant 32 lines divided into two parts consisting of 20 and 12 lines respectively.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Современная калмыцкая литература в контексте изучения духовных и эстетических ценностей отечественной и мировой литературы» (номер госрегистрации АААА-А17-117030910097-4)

Both the variants begin with an appeal to the *jangarchi* girl where the poet admires her beauty and talent, thus entering a competition for her love with poets David Kugultinov and Lidzhi Indzhiev. He introduces the names of his friends and shows his knowledge of their works, e.g., when reconsiders the motif of dream from D. Kugultinov's poem.

Turning to the legend of the first *jangarchi*, both David Kugultinov and Basang Dordzhiev displayed different poetic strategies, but they were united in the aspiration to pay tribute to the folk genius. The choice of a *jangarchi* girl as the main character was evidently determined by their intention to underline the grand role of female tale-tellers.

Both the compositions are folklore-related in terms of their form and contents. In Kugultinov's works, the folklore tradition can be traced in the plot, epic formulas, metaphors, and is revealed in the fact that the poet compares the girl to the fabulous beauty Aragni Dagni. In Dordzhiev's works, the folklore tradition manifests itself in parallels between the girl's beauty and that of the moon, an eternal star.

The difference between D. Kugultinov's variants is determined by improvements of form and contents, and that of Dordzhiev's — by a reduction of the text (by the last quatrain) and softening of the playful intonation.

Keywords: Kalmyk legend, *jangarchi* girl, Kalmyk lyrics, folklore traditions

Калмыцкий героический эпос «Джангар» испокон веков исполняли его сказители — джангарчи.

О том, кто был первым джангарчи, существуют калмыцкие легенды. В «Легенде о первом джангарчи» — это мужчина, оказавшийся в аду после мнимой смерти. За пережитый им страх Эрлик-хан предложил ему выбрать одну из услышанных песен. В ответ он будет связан обетом молчания, пока эту песню не потребует спеть гелюнг-священник. «Я понял, как велика честь петь о Джангаре», — сказал, вернувшись на землю, мужчина и спел эту песню после встречи с гелюнгом [Легенда о первом... 2011: 143].

Другая легенда «Рождение Джангариады» повествует о девушке-джангарчи. «В драгоценное изначальное время, когда степь успокоилась после топота могучих коней, когда были подавлены все враги Бумбы, Джангар и его богатыри заскучали. <...> Тогда неизвестно откуда появилась женщина, но не жена, и была она неопикуемой красоты. Она вошла в кибитку, где восседали семь богатырских кругов и круг старух, и круг стариков, и круг жен, и круг девушек, и запела <...> о подвигах Джангара и его богатырей, об их победах над несметными врагами, о Бумбе — стране бес-смертия. <...> Так родилась „Джангариада“ <...> С той поры появились джангарчи, и над вечно зеленой землей Бумбы зазвенела песнь победы. Поют ее и поныне» [Рождение «Джангариады» 2004: 53].

Этот вариант легенды отразил молодой поэт Давид Кугультинов в стихотворении «Жанһрч күүкн» («Девушка-джангарчи», 1940) [Көглтин Д. 1940б: 3]. Произведение вошло в его первую поэтическую книгу «Баһ насна шүлгүд» («Стихи юности») [Көглтин Д. 1940а: 45–46].

В первой рецензии на дебютную книгу Кугультинова писатель Гаря Шалбууров выделил разнообразие тематики: «Он пишет стихи о Сталине, о Красной Армии, о героическом эпосе калмыцкого народа „Джангар“, о современной калмыцкой молодежи» [Шалбууров 1940: 2].

Здесь речь идет о стихотворении «Күңкэн дуучд» [Көглтин Д. 1940в: 4–6], на русский язык оно было переведено Д. Бродским под названием «Джангарчи» и опубликовано в 1939 г. в газете «Ленинский путь» [Кугультинов 1939: 3], а год спустя в московском сборнике «Поэзия Калмыкии» [Кугультинов 1940: 59–61].

В предисловии к этому сборнику отмечено стихотворение «Джангарчи»: «Гений калмыцкого народа — это сам народ, творивший свою поэзию устами безвестных джангарчи.

Убеждает эта смелость, подкрепляемая чувством внутренней поэтической правоты, с какой Кугультинов обращается к творцу „Джангра“. Он как бы просит благословения у мудрого певца на свое поэтическое дело. Каждая строка „Джангарчи“ наполнена глубокой поэтической мыслью» [Поэзия Калмыкии 1940: 13].

Цитаты из этого стихотворения приведены в передовой статье газеты «Ленинский путь» «„Джангар“ и художественная литература» в связи с празднованием 500-летнего юбилея калмыцкого эпоса: «В дни, когда счастливый народ справляет великий праздник, мы вместе с юным поэтом заявляем...» [«Джангар» и художественная литература 1940: 1].

В своем докладе «Художественная литература Советской Калмыкии» на VIII юбилейном пленуме ССП СССР в Элисте секретарь правления Союза советских писателей Калмыкии Ц. О. Леджинов также подчеркнул: «Большие надежды обещает молодой начинающий поэт Дава Кугультинов. О нем можно говорить как о крупном, даровитом поэте, поэте большой силы, большой поэтической культуры».

Свое первое стихотворение поэт посвятил творцу гениального эпоса калмыцкого народа. <...> Кугультинов рос и оформился как поэт исключительно под влиянием „Джангара“. „Джангар“ так увлек его, что он начинает создавать произведения одно за другим, в которых непременно присутствуют мотивы великого эпоса» [Леджинов 1940: 2].

Сам поэт об этом позднее писал: «Чего-то достигал там, где следовал манерам фольклора, фольклор учил меня думать. Я любил „Джангар“, знал наизусть целые главы» [Кугультинов 1966: 206].

В «Истории калмыцкой литературы» о стихотворении Д. Кугультинова «Жаңһрч күүкн» кратко указано: «По мотивам народных сказаний было написано и другое стихотворение Кугультинова „Девушка джангарчи“» [История калмыцкой литературы 1980: II, 115].

Связь легенды о первом джангарчи со своим стихотворением «Жаңһрч күүкн» Д. Кугультинов позиционирует эпитафой:

Жилмүд олн хооранд
Жаңһриг түрүн дуулснь,
Бер болад уга
Баахн күүкд күн.
Жаңһрч өвгнэ келснэс.
[Көглтин Д. 1940а: 45]

Наш смысловой перевод: «Много лет тому назад первой запела о Джангаре молодая девушка, не ставшая еще женой. Из слов старика-джангарчи».

Позднее эпитафа дан с некоторым несущественным грамматическим изменением, сохраняющим основной смысл, в изданиях 1963 и 1981 гг.

«Жилмүд олн хооранд / „Жаңһриг“ түрүн / дуулснь, / Бер болад уга / Баахн күүкн гидг»./ *Жаңһрч өвгнэ келснэс*» [Көглтин Д. 1963: 40].

«Жилмүд олн хооранд / „Жаңһриг“ түрүн / дуулснь, / Бер болад уга / Баахн күүкн гидг»./ *Жаңһрч өвгнэ келснэс*» [Көглтин Д. 1981: I, 24].

На русский язык стихотворение «Девушка-джангарчи» перевел Яков Козловский. Эпитафа в его переводе:

Много лет тому назад
Та, что не была женой,
Спела «Джангар», говорят,
В нашей стороне степной.
[Кугультинов 1970: I, 167]

Переводчик не указал, как в оригинале, важный первоисточник эпитафы: об этом говорит сам народ устами старика-джангарчи.

Это стихотворение в первой книге поэта, исключая название и эпитафа, состоит из 35 строк, не имея строфики, в издании же 1963 г., исключая название и эпитафа, уже 40 строк разбиты на 10 катренов [Көглтин Д. 1963: 40–42].

Те же изменения в издании 1981 г. [Көглтин Д. 1981: I, 24–25].

По сравнению с предыдущим вариантом новый существенно переработан не только по форме, но и по содержанию, несмотря на то, что дата указана начальная — 1940 год. В данном случае следует говорить о вариантах одного стихотворения в аспекте творческой истории произведения.

Уточним также и то, что перевод Я. Козловского относится ко второму варианту стихотворения.

Обратимся к первоначальному варианту и приведем текст полностью.

Уласн герлин утанд
Удсн нарн суужала,
Буслжасн мини уханд.
Баахн күүкн үзгджлэлэ...
Үзмжтэ уйн урһцта,
Үлгүр дүүрц келтэ,
Соньн көркхн чирэтэ,
Сээхн зеегтрсн нүдтэ,
Бул жөөлн махмудта,
Бичкхн эвтэхн харта,

Миим улан хоста,
 Мицннэ дурн кэлтэ,
 Зөрмг үннэ хэлэцтэ
 Зүркндэн һанцхн үннтэ
 Арагни-Дагни тер,
 Өмд төрүц уга,
 Жилэ һазра хортан диилсн,
 Жидин үзүрмүдин батинь хамхлсн,
 Жаңһрин өмн күүкн зогсжана,
 «Жаңһр» орчлд күүкн дуулжана,
 Хаврин дундд гүүдг сергмжтэ,
 Хар усна жиржнлһн метэр
 Күүкнэ дуулсн дууһинь,
 Киитн арзин сүүрт хурсн,
 Күмни жирһлин сээг олсн,
 Аврлт уга хортан диилсн,
 Ааһ цусан төрскндэн өгсн,
 Цегэхн уснас цевр бэрцтэ
 Цаһан мөңгнэс цевр седклтэ
 Жаңһр богдиннь төлэ цугтан,
 Жирһлэн төрүц хармнлго өгх,
 Тоомсрта баатрмуд мишилдж
 Таасгдсинь медүлж соңсжацхана,
 Күмни жирһлдэн бахтж,
 Күүкнд тедн ханжацхана!
 [Көглтин Д. 1940а: 45–46]

Сравним с теми изменениями, которые были внесены автором позднее. В первом и втором вариантах поэт начал свой рассказ с описания времени, когда при дыме горящего тополиного костра садилось запоздавшее солнце, его горячему воображению привиделась издали молодая девушка; во втором варианте даны уточнения — *арһул* (солнце садилось *медленно*), *баахн сээхлэ* (молодая *красавица*).

В русском переводе:

Где вечер красной поволокою
 Повил сгущавшуюся тьму,
 Предстала девушка далекая
 Воображенью моему.
 [Кугультинов 1970: I, 167]

Я. Козловский обошелся без начальной детали в отношении дымного костра.

В первом варианте автор дал подробный портрет девушки: видно сложена, знает много пословиц и поговорок, с особо милым лицом, прекрасными глазами, нежным телом, маленькими руками, в мягких красных сапожках, с храбрым взглядом, с правдой в сердце, подобна Арагни-Дагни (сказочной красавице).

Во втором варианте это описание лаконичнее:

Үзмжтэ уйн нэрн цогцта,
 Үлгүр дүүрц хурц келтэ,
 Соньн сээхн көркхн чирэтэ,
 Солц мет бүлэки хэлэцтэ.

Миим улан эвтэки хоста,
 Мицннэ дурн — цусн хачрта,
 Баахн эрк Арагни-Дагни,
 Биив-ятхан һартан бэрв.
 [Көглтин Д. 1981: I, 24]

Смысловый перевод: Тонкого сложения, остроумная, с прекрасным лицом, подобно радуге, с теплым взглядом, в мягких красных сапожках, румяная, нежная, как Арагни-Дагни, взяла она в руки скрипку-ятху.

В русском переводе еще короче:

Не звездный цвет, а теплый, жизненный,
 Мерцал в глазах ее. Она
 Цвела красой безукоризненной,
 Была на диво сложена.

В сапожки красные обутая,
 Взяла домбру.

[Кугультинов 1970: I, 167]

У переводчика указан другой музыкальный инструмент — домбра. Заметим, что в первом варианте стихотворения нет никакого музыкального сопровождения. Традиционно песни эпоса исполнялись под аккомпанемент домбры.

В первом варианте текста неопытность молодого поэта приводит к тому, что странное описание героини посредством использования запятых переходит в перечислительный ряд ее действий, составляющим больше половины произведения.

В нашем смысловом переводе: девушка стоит перед Джангаром, который победил врагов вокруг на расстоянии года, сломав их крепкие копья; девушка поет в стране Джангара, песня ее подобна весенней прохладе, журчанию чистой воды; эту девичью песню слушают, улыбаясь, показывая свое одобрение, почтенные богатыри, нашедшие лучшую жизнь, победившие без пощады врагов, отдавшие родине чашу крови, они с чистым нравом, прозрачней родниковой воды, ради богдо Джангара готовы отдать без сожаления свою жизнь, удовлетворенные счастьем, они благодарны этой девушке!

Во втором варианте в четвертом катрене автор показал процесс игры на домбре и пения:

Герлтэ дуута чивһснь жирлзв,
Геглзсн айснь күңкнж асхрв.
[Көглтин Д. 1981: I, 24]

Смысловой перевод: струны солнечно запели, пронзительно полилась мелодия.

В последних строках четвертого катрена поэт напомнил читателям о том, что все это происходило в его воображении:

Цагин холыг ивтлж нанур
Ценнсн дунь ирэд сонсгдв.
[Көглтин Д. 1981: I, 24]

Смысловой перевод: Сквозь временную даль слышится звонкая песнь.
У Я. Козловского:

И в тишине
Услышал песню в ту минуту я,
Что сквозь века неслась ко мне.
[Кугультинов 1970: I, 167]

Пятый катрен представляет, в отличие от первого варианта текста, сразу джангаровых богатырей, а затем уже дается их характеристика.

Жилэ һазрин хортан диилсн,
Жидин үзүрин батынь хуһлсн,
Жирһлин төлә хөвән нерәдсн
Жаңһрин баатрмуд дууһинь сонсв.
[Көглтин Д. 1981: I, 24]

В смысловом переводе: победившие врага на расстоянии года, сломавшие крепкие острия копий, посвятившие [родине] ради жизни [народа] свои судьбы, слушают песнь богатыри Джангара.

У Я. Козловского:

В доспехах времени походного,
Как будто пред лицом зари,
Собрались Джангра благородного
Пред девушкой богатыри.
[Кугультинов 1970: I, 168].

Здесь нет эпической характеристики храбрых богатырей-патриотов, как в оригинале, описано лишь их снаряжение — боевые доспехи, что явно недостаточно для понимания эпического значения этих образов воинов, поскольку не прослеживается связь произведения с фольклором.

Шестой катрен:

Хол һазрин тоосн бодңгудын
Хар сармта балтст үзгдв.
Кесг бәрлдәнә күржңсн шууган
Күүкнә дуунд тачкнж сонсгдв.
[Көглтин Д. 1981: I, 24]

Смысловой перевод: воображению поэта с помощью девичьей песни видятся вдалеке сквозь пыль черные секиры богатырей, слышится шум битвы.

Всего этого нет в русском переводе 5 и 6 катренов:

Стоявшие в кольчугах кованых,
С красавицы степной они
Глаз не сводили очарованных,
Как будто бы с Рагни-Дагни.

И отражалась в их наружности
Суровость воинской страды:
Был ими недруг бит в окружности
Примерно годовой езды.
[Кугультинов 1970: I, 168].

Переводчиком в тексте перенесен акцент на внешний вид богатырей. Вначале указав на доспехи (чего не было в оригинале), он вновь домыслил, введя уточнение — кованые кольчуги. Через внешность воинов Джангара передана суровость воинской страды, когда они боролись с врагом в пределах годовой езды. Здесь также Я. Козловский использовал глагол ‘бит’ в отношении врага, несмотря на то, что у автора иной глагол — ‘победили’, семантически усиленный. Кроме того, переводчик актуализировал красоту девушки-джангарчи, подобной сказочной Рагни-Дагни.

Характеристика джангаровых богатырей продолжена автором в седьмом катрене:

Эмэл деер төрсн эднә
Элкнж жирһлдн түрүн урсв.
Күдр болд хуһлсн арслңгуд
Күүкнә дуунд кел бәргдв.
[Көглтин Д. 1981: I, 25]

Смысловой перевод: рожденные в седле, сломавшие множество булатных мечей, подобные львам богатыри были взяты в плен девичьей песни.

У Я. Козловского:

И пела девушка умеючи
О них, что в седлах рождены.

И воины той песней девичьей
Впервые были пленены.
[Кугультинов 1970: I, 168].

Переводчик подчеркнул умение певицы, взявшей этим исполнением в свой плен впервые мужественных воинов, опустил детали их подвигов и сравнение со львами.

Д. Кугультинов в восьмом катрене показал, как песне внимают степь и богатыри:

Теегин сальхн цаһан бетк
Толһан ташуд кевтүлж дарв.
Баатрмуд күүкнэ ду соңсж.
Бийснь бийән эс таньв.
[Көглтин Д. 1981: I, 25]

Смысловой перевод: степной ветер, уложив, придавил ковыли на холмах, а богатыри, слыша девичью песню, удивлялись, не узнавая себя в ней, то есть в контексте были скромны в понимании своих деяний.

В русском переводе строки переставлены местами:

И удивлялись смуглоликие:
«Да неужели это мы?»
Вблизи качали ветры дикие
Ковыль, взбегавший на холмы.
[Кугультинов 1970: I, 168].

Удивление богатырей (добавлено определение «смуглоликие») здесь передано прямой речью. Неточность есть в изображении природы: дикие ветры качают ковыль, тогда как, по мысли автора, ветер, наоборот, уложил ковыль, чтобы он не мешал слушать пение девушки.

Содержание девятого катрена связано с предыдущими катренами в отношении характеристики богатырей.

Цегэхн уснас цевр бэрцтэ,
Цаһан мөнгнэс герлтэ седклтэ,
Һалын залар арчгдсн зүрктэ,
Һалвин аюлар батлгдсн зөргтэ.
[Көглтин Д. 1981: I, 25].

Этот катрен усиливает общий портрет джангарова воинства, как бы подтверждающая спетое девушкой.

Смысловой перевод: с чистыми нравами прозрачнее воды, с мыслями светлее серебра, с очищенными в пламени сердцами, с мужеством, укрепленным в огненных опасностях.

У Козловского:

Припомнив радости и горести,
Им пела девушка о том,
Что пятен нет у них на совести,
А души чищены огнем.
[Кугультинов 1970: I, 169].

В отличие от оригинала переводчик включил в этот катрен вновь песню девушки, которая поет не только о горестях, но и радостях, последних нет в первоисточнике. Характеристика богатырей здесь также сокращена, эта неполнота касается и образа мыслей воинов, поскольку для автора это взаимообусловлено.

Заключает стихотворение Д. Кугультинов мыслью о таланте девушки, которая смогла поведать о богатырях Джангара.

Туурсн баатрмуд дууна айст
Туужд орулсн үнэн медв.
Күүкн дуучин өмн дээчнр
Күндлж сөгдэд ханлт өргв.
[Көглтин Д. 1981: I, 25]

Смысловой перевод: прославленные богатыри поняли, что правда стала историей, и поблагодарили воины девушку, почтительно преклонив пред ней колени.

В русском переводе:

И чувство, схожее с наитием,
Явилось к сыновьям степей.
И песня стала вдруг открытием:
Они себя познали в ней.
[Кугультинов 1970: I, 169].

Я. Козловский повторил уже высказанное ранее, в то время как для автора здесь важна связь народных легенд с историей: идея патриотизма, защита отечества от врагов воинами, достойными того, чтобы остаться в памяти благодарных потомков, поэтому богатыри благодарят девушку за ее песню.

Кугультиновское стихотворение «Жаңһрч күүкн» в первом варианте, таким образом, отличается по содержанию от второго варианта.

В тексте 1940 г. девушка поет перед ханом Джангаром и его воинами, в текстах 1963, 1981 гг. — перед богатырями Джангара. В первом варианте больше внимания уделено красоте девушки, во втором — характеристике богатырей. В первом варианте

в отличие от второго нет упоминания о музыкальном аккомпанементе, нет мотива познания богатырями самих себя с помощью услышанной песни, нет мотива коленопреклонения воинов перед девушкой, которая обессмертила их подвиги в своем пении.

Со стороны формы ранний вариант не совершенен, второй вариант демонстрирует поэтическое мастерство автора. Первый вариант стихотворения имеет преимущественно парную анафору с аллитерацией (уу/бб/үү/сс/бб/мм/зз/аа/жжжж/хх/ккк/аа/цц/жж/тт/кк). Система рифмовки произвольная: вначале перекрестная (*утанд / суужала / уханд, / үзгджелә*), затем в 9 строках сплошная, дальше сбивчивость рифмовки, потом парная, вновь сбивчивость рифмовки, в последних четырех строках перекрестная рифмовка (*мишилдэж / соңжацхана / бахтэж / ханжацхана*).

Фольклорная традиция явлена сюжетом, сравнением девушки со сказочной красавицей Арагни-Дагни, эпическими формулами, например: *жилә һазра хортан дишлсн, жидин үзүрмүдин батинь хамхлсн, ааһ цусан төрскндән өгсн*.

Во втором варианте стихотворения поэт использовал ту же парную анафору с аллитерацией, отступив от нее в 5 катрене, который имеет сплошную анафору: «*Жилә / Жидин / Жирһлин / Жаһрин*» (жжжж). Система рифмовки строго не выдержана: в 1 катрене произвольная, во 2 катрене сплошная (цогцта / келтә / чирәтә / хәләцтә), в 3–8 катрене произвольная, в 9 катрене сплошная (бәрцтә / седклтә / зүрктә / зөргтә), заключительный катрен также с произвольной рифмовкой. В двух вариантах автор не придерживается рифмы. В первом варианте стихотворение завершалось восклицательным знаком, передающим степень благодарности богатырей, во втором этого восклицания уже нет.

К сравнению со сказочной красавицей Арагни-Дагни во втором варианте добавляется сравнение взгляда девушки-джангарчи с радугой (*солһ мет бүләкн хәләцтә*). Богатыри Джангара эпически сравниваются с дикими кабанами (*бодңудын*), со львами (*арслңуд*), здесь подчеркивается связь воинов с кочевым образом жизни — рожденные в седле (*эмал деер төрсн*), повторяются те же эпические формулы из первого варианта в их характеристике. В отличие от первого варианта пению девушки внимает все живое, даже ветер, а джангаровы богатыри

преклоняют колени перед ее талантом. Словосочетание девушка-джангарчи фигурирует только в заглавии двух вариантов произведения.

Стихотворение Басанга Дорджиева, озаглавленное «*Жаһрч күүкнд*» («*Девушке-джангарчи*»), тоже имеет два варианта.

Первый из них создан в 1941 г., второй — в 1959 г.

В первом стихотворении 9 катренов — 36 строк, во втором стихотворение из 32 строк поделено на две части изменением количеством слогов в строках (20 строк и 12 строк).

Жилмүдин холас манчурж үзгдсн
Жаһрч күүкн, би чамаг
Жирһлтә орни баһчудин зергләнәс
Жилвтә дурарн гәэхжәнәв.

Дүүрң сар мет чирәһичн
Дурта нүдәрн хәләхнь бахмжта.
Нөөрүл болсн жөөлкн үсичн
Нүцн альхарн илхнь таалмжта.

«Беткәрн самлсн шүрүн үстә»
Баахн көвүн Көглтин Дава,
Бишмүдинчн хормаг зүүдндән үзчкәд,
Босж суучкад, көнжлән имрнә.

Инжин Лиж бас хоцрхш,
Инәжәһәд, шүлгәрн намаг чимнә.
Үүнләнә, үзгдәд ирхләчн, бичжәсән
Үлдәчкәд, тосад хурдлхар седнә.

Кендичнь булагдшгоһар би эндәснь
Көвүн зүркәрн тесж чадхшв,
Кевтә цогцичн төгәлүлж шинжлн,
Кеврдг талчн нүдән залнав.

Төөнрсн хар нүддичн
Тааһад эндәс меднәв.
Толһанчн «хувин» эргичн
Тоолад урдас байснав.

Мини төлә бәәһәд,
Мөңк одн болич!
Нанас талдан кенд
Насан болзсан келич!

Ууртн! Болж ода!
Уга! Кендчн булагдшгов!
Авхар седәд ноолдсиг
Амр йир тәвшгов!

Урлчн әмтәхн таалмжта,
Үзмшнь айта болхл.
Үмслчн нааран өөрдәд,
Үнн седкләрн суржанав.

[Доржин Б. 1941: 74–75].

У Д. Дорджиева непосредственно в самом начале текста в двух вариантах есть обращение к девушке-джангарчи:

«Жилмүдин холас манчурж үзгдсн / Жаңһрч күүкн, би чамаг / Жирһлтэ орни баһчудин зерглэнэс / Жилвтэ дурарн һээхжэнэв» [Доржин Б. 1941: 74].

«Жилмүдин холас манчурж үзгдсн / Жаңһрч күүкн, би чамаг / Жирһлтэ орна баһчудин зерглэнэс / Жилвтэ дурарн би таалжанав» [Доржин Б. 1959: 120].

Небольшое различие в последнем глаголе: һээхжэнэв / таалжанав.

Смысловой перевод: сквозь даль веков, девушка-джангарчи, я тобой среди всей молодежи любовно очарован.

Красота девушки выявлена в фольклорном сравнении с полной луной, ее мягкие волосы приятно погладить ладонями.

Дүүрн сар мет чирэһичн
Дурта нүдэрн хэлхнь бахмжта.
Нөөрүл болсн жөөлкн үсичн
Нүцн альхарн илхнь таалмжта.
[Доржин Б. 1941: 74]

Стихотворение являет шутливую творческую переключку с собратьями по перу — Давай Кугультиновым и Лиджи Инджиевым, воспевавшими девушку-джангарчи.

«Беткэрн самлсн шүрүн үстэ»
Баахн көвүн Көглтин Дава,
Бишмүдинчн хормаг зүүдндэн үзчкэд,
Босж суучкад, көнжлэн имрнэ.
Инжин Лиж бас хоцрхш,
Инэжэһэд, шүлгэрн намаг чимнэ.
Үүнлэнь, үзгдэд ирхлэчн, бичжэсэн
Үлдэчкэд, тосад хурдлхар седнэ.
[Доржин Б. 1941: 74]

Смысловой перевод: Расчесывающий свои жесткие волосы гребешком, молодой Дава Кугультинов, увидев подол твоего платья во сне, проснувшись, мнет одеяло. Лиджи Инджиев тоже не отстает, смеясь, своим стихотворением меня оглушает. В случае если ты вправду покажешься, он, оставив свое сочинение, собирается бежать к тебе, чтобы встретить.

Лирический герой Д. Дорджиева поэтому заявил:

Кендичнь булагдшгоһар би эндэснь
Көвүн зүркэрн тесж чадхшв,

Кевтэ цоггичн төгэлүлж шинжлн,
Кеврдг талчн нүдэн залнав.
[Доржин Б. 1941: 74]

Иначе говоря: тебя никому не отдам, но и в сердце моем не помещаешься, как будто всю тебя изучаю, устремляю к тебе свой взгляд.

Төөрсн хар нүддичн
Тааһад эндэс меднэв.
Толһанчн «хүвин» эрггичн
Тоолад урдас байснав.
[Доржин Б. 1941: 74]

Смысловой перевод: Твои запоминающиеся черные глаза предугадаю, узнаю отсюда я. Ходу твоей судьбы, высчитав, заранее радуюсь.

Мольба лирического субъекта обращена к девушке-джангарчи:

Мини төлэ бээһэд,
Мөңк одн болич!
Нанас талдан кенд
Насан болзсан келич!
[Доржин Б. 1941: 75]

В смысловом переводе: ради меня стань вечной звездой! Скажи всем, кроме меня, сколько тебе лет!

Обращаясь к друзьям-литераторам, Б. Дорджиев заявил:

Ууртн! Болж ода!
Уга! Кендчн булагдшгов!
Авхар седэд ноолдсиг
Амр йир тэвшгов!
[Доржин Б. 1941: 75]

Смысловой перевод: Сердитесь! Хватит! Нет! Никому ее не уступлю. Если кто захочет заполучить в борьбе, легко не отдам.

Во втором варианте незначительные синонимические изменения с сохранением основного смысла в заключение стихотворения: «Ууртн ода! Болж! / Уга! Кендчнь өгшгов! / Авхар седэд дэврсиг / Амр йир тэвшгов!» [Доржин Б. 1959: 121].

Заканчивается стихотворение в первом варианте обращением к девушке-джангарчи:

Урлчн эмтэһн таалмжта,
Үзмшнь айта болхл.

Үмслчн нааран өөрдэд,
 Үнн седклэрн суржана.
 [Доржин Б. 1941: 75]

В смысловом переводе: твои губы сладки, приятны, как изюм, поцелуй меня, походи, от всего сердца прошу тебя.

Во втором варианте эта игривая интонация последних четырех строк автором снята, видимо, потому что вступала в противоречие с изначальным значением роли женщины-джангарчи.

Таким образом, шутливо обыгрывая стихотворение Д. Кугультинова «Девушка-джангарчи», Б. Дорджиев тоже отдал дань таланту и красоте легендарной девушки-джангарчи, ее судьбе.

Анафора в первом варианте стихотворения Б. Дорджиева имеет интересное решение: катрены с полной анафорой часто перемежаются катренами с парной анафорой.

Например, в первом катрене полная анафора (Жилмүдин / Жаңһрч / Жирһлтэ / Жилвтэ) во втором катрене сменяется парной (Дүүрч / Дурта / Нөөрүл / Нуцкн).

Четвертый (Инжин / Инэжэхэд / Үүнлэнь / Үлдэхэд) и восьмой катрены (Ууртн! / Уга! / Авхар / Амр) имеют парную анафору с аллитерацией на гласные 'у' и 'а', а девятый — сплошную анафору с аллитерацией на 'у' (Урлчн / Үзмшнь / Үмслчн / Үнн).

То же наблюдаем и во втором варианте текста.

Поэт не придерживался определенной рифмовки и рифмы ни в одном из вариантов.

В фольклорной традиции автор сравнил красоту девушки с красотой полной луны, с вечной звездой. Басанг Дорджиев ввел в текст имена и фамилии своих друзей, показал знание их произведений, обыграл тему сновидения в стихотворении Д. Кугультинова.

Ни один из вариантов этого стихотворения Б. Дорджиева не имел художественного перевода на русском языке.

Итак, Давид Кугультинов и Басанг Дорджиев в своих стихотворениях обратились к легенде о первом джангарчи-девушке, показав разные авторские стратегии, будучи едины в желании воздать должное народному гению. Выбор в качестве лирической героини девушки-джангарчи, а не мужчины-джангарчи, вероятно, обусловлен подчеркиванием роли не только мужчин-сказителей, но и женщин-сказительниц.

Разница между вариантами стихотворений у Д. Кугультинова заключается в усовершенствовании формы и содержания, у Б. Дорджиева — в сокращении текста (последнего катрена с игривой интонацией).

Кугультинов не использовал при этом один стихотворный размер (у него чередуются неявно выраженные хорей и ямб), как и Дорджиев (у него чередование неявно выраженных амфибрахия и анапеста).

Обращение к калмыцкому фольклору, к эпосу «Джангар», начатое еще в 1940–1941 годах, было продолжено этими поэтами и в дальнейшем.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Доржин Б. 1959 — *Доржин Б. Жаңһрч күүкнд* // Доржин Б. Өргн тегин өр дундан. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1959. X. 120–121. [Dorjin B. To Jangarchi Girl. *Örgn teegin ör dundan*. Elista: Kalm. Book Publ., 1959. Pp. 120–121].

Доржин Б. 1941 — *Доржин Б. Жаңһрч күүкнд* // Доржин Б. Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг госиздат, 1941. X. 74–75. [Dorjin B. To Jangarchi Girl. *Shülgüid boln poems*. Elista: Kalm. Book Publ., 1941. Pp. 74–75].

Көглтин Д. 1981 — *Көглтин Д. Жаңһрч күүкн* // Көглтин Д. Үүдэврмүдин хураһу. 1-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. X. 24–25. [Kögltin D. Jangarchi Girl. *Üüdävrמידin khuranyu*. Elista: Kalm. Book Publ., 1981. Vol. 1. Pp. 24–25].

Көглтин Д. 1963 — *Көглтин Д. Жаңһрч күүкн* // Көглтин Д. Цагин жисән: шүлгүд. Элст: Хальмг госиздат, 1963. X. 40–42. [Kögltin D. Jangarchi Girl. *Tsagin jisän: shülgüid*. Elista: Kalm. State Publ. House, 1963. Pp. 40–42].

Көглтин Д. 1940а — *Көглтин Д. Жаңһрч күүкн* // Көглтин Д. Баһ насна шүлгүд. Элст: Хальмг госиздат, 1940. X. 45–46. [Kögltin D. Jangarchi Girl. *Bay nasna shülgüid*. Elista: Kalm. State Publ. House, 1940. Pp. 45–46].

Көглтин Д. 1940б — *Көглтин Д. Жаңһрч күүкн* // Улан баһчуд. 1940. Сентябрьн 15. X. 3. [Kögltin D. Jangarchi Girl. *Ulan baychud*. 1940. September, 15. P. 3].

Көглтин Д. 1940в — *Көглтин Д. Күнкән дуучд* // Көглтин Д. Баһ насна шүлгүд. Элст: Хальмг госиздат, 1940. X. 4–6. [Kögltin D. To the Wise Singer. *Bay nasna shülgüid*. Elista: Kalm. State Publ. House, 1940. Pp. 4–6].

Кугультинов 1970 — *Кугультинов Д. Девушка-джангарчи* // Кугультинов Д. Н. Избранные произведения в двух томах. Т. I. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1970. С. 167–169.

- [Kugultinov D. Jangarchi Girl. *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1970. Vol. I. Poems. Pp. 167–169].
- Кугультинов 1940 — Кугультинов Д. Джангарчи // Поэзия Калмыкии. М.: Худож. лит., 1940. С. 59–61. [Kugultinov D. Jangarchi. *Poeziya Kalmykii*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1940. Pp. 59–61].
- Кугультинов 1966 — Кугультинов Д. Н. Утоление жажды: сказки, рассказы, очерки, статьи, страницы автобиографии. Элиста: Калмгосиздат, 1966. 223 с. [Kugultinov D. N. *Utolenie zhazhdy: skazki, rasskazy, ocherki, stat'i, stranitsy avtobiografii* [Quenching the thirst: fairy tales, stories, essays, articles, pages of autobiography]. Elista: Kalm. State Publ. House, 1966. 223 p.].
- Легенда о первом... 2011 — Легенда о первом джангарчи // Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т. I. Калмыцкий фольклор / Сост. Н. Ц. Биткеев. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. С. 142–143. [The legend of the first jangarchi. *Fol'klor mongol'skikh narodov: issledovanie i teksty*. N. Ts. Bitkeev (comp.). Elista: Dzhangar, 2011. Vol. I. Kalmyk folklore. Pp. 142–143].
- Рождение «Джангариады» 2004 — Рождение «Джангариады» // Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / Сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 5. [The birth of Jangariada. *Sem' zvezd: Kalmytskie legendy i predaniya*. D. E. Basaev (comp., foreword, comment.). Elista: Kalm. Book Publ., 2004. P. 5].
- ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES**
- «Джангар» и художественная литература 1940 — «Джангар» и художественная литература // Ленинский путь. 1940. 10 сентября. С. 1. [The *Jangar* Epic and belles-lettres. *Leninskiy put'*. 1940. September, 10. P. 1].
- История калмыцкой литературы 1980 — История калмыцкой литературы: в 2 т. Т. II. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с. [*Istoriya kalmytskoy literatury: v 2 t.* [History of Kalmyk literature: in 2 vol.]. Vol. II. The Soviet period. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. 445 p.].
- Леджинов 1940 — Леджинов Ц. О. Художественная литература Советской Калмыкии // Ленинский путь. 1940. 13 сентября. С. 2. [Ledzhinov Ts. O. Literature of Soviet Kalmykia. *Leninskiy put'*. 1940. September, 13. P. 2].
- Поэзия Калмыкии 1940 — Предисловие // Поэзия Калмыкии. М.: Худож. лит., 1940. С. 3–14. [Foreword. *Poeziya Kalmykii*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1940. Pp. 3–14].
- Шалбуров 1940 — Шалбуров Г. «Стихи юности» // Ленинский путь. 1940. 30 декабря. С. 2. [Shalburov G. 'Poems of the Youth'. *Leninskiy put'*. 1940. December, 30. P. 2].

УДК 398.2:821.512.37

Легенда о первом джангарчи в лирике Давида Кугультинова и Басанга Дорджиева

Римма Михайловна Ханинова¹

¹кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: haninova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается легенда о первом джангарчи в лирике калмыцких поэтов Давида Кугультинова и Басанга Дорджиева.

Из двух народных легенд о мужчине и девушке, впервые исполнивших песню о Джангаре и его богатырях, молодые поэты выбрали легенду «Рождение Джангариады», подчеркивая практику исполнения народного героического эпоса «Джангар» в гендерном плане.

Каждое из стихотворений этих авторов имеет два варианта разных лет.

Стихотворение Д. Кугультинова «Жаңһрч күүкн» («Девушка-джангарчи») вошло в его первую книгу «Баһ насна шүлгүд» («Стихи юности», 1940). Связь легенды о первом джангарчи-девушке со своим стихотворением «Жаңһрч күүкн» Д. Кугультинов позиционировал эпиграфом, в котором сослался на слова современника, старого джангарчи. Это стихотворение, исключая название и эпиграф, состоит из 35 строк, не имеет строфики. В издании 1963 и 1981 гг., исключая название и эпиграф, уже 40 строк делятся на 10 катренов. По сравнению с первым вариантом второй существенно переработан не только по форме, но и по содержанию.

В сюжете стихотворения Д. Кугультинова воображению поэта явилась девушка, спевшая богатырям Джангара песню о них. В тексте 1940 г. девушка поет перед ханом Джангаром и его воинами, в текстах 1963, 1981 гг. — перед богатырями Джангара. В первом варианте больше внимания уделено красоте девушки, во втором — характеристике богатырей. В первом варианте в отличие от второго нет упоминания о музыкальном аккомпанементе, нет мотива познания богатырями самих себя с помощью услышанной песни, нет мотива коленопреклонения воинов перед девушкой, которая обессмертила их подвиги в своем пении.

Сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения Кугультинова в двух редакциях 1940 и 1963–1981 годов показал разные авторские стратегии в передаче фольклорного сюжета, структурно-композиционных особенностей, художественно-изобразительных средств, эпических формул, рифмовки и рифмы, сочетании нерифмованных строк, анафоры — звуковой, лексической, синтаксической. Со стороны формы ранний вариант несовершенен, второй вариант демонстрирует поэтическое мастерство автора.

Обращение к русскому переводу Я. Козловского позволило уточнить поэтику второго варианта оригинального текста и его перевода.

Стихотворение Б. Дорджиева «Девушке-джангарчи» (1941, 1959) носит шуточный характер в творческой перекличке с текстом Д. Кугультинова. Первый вариант состоит из 9 катренов — 36 строк, во втором варианте 32 строки поделены на две части с изменением количеством слогов в строках (20 строк и 12 строк).

Дорджиев в самом начале текста в двух вариантах обращается к девушке-джангарчи, восхищаясь ее красотой и талантом, вступает в соперничество с поэтами Давидом Кугультиновым и Лиджи Инджиевым за ее любовь. Он ввел в текст имена и фамилии своих друзей, показал знание их произведений, обыграл тему сновидения в стихотворении Д. Кугультинова.

Давид Кугультинов и Басанг Дорджиев в своих стихотворениях обратились к легенде о первом джангарчи-девушке, показав разные авторские стратегии, они едины в желании воздать должное народному гению. Выбор в качестве лирической героини девушки-джангарчи, а не мужчины-джангарчи, вероятно, обусловлен подчеркиванием роли не только мужчин-сказителей, но и женщин-сказительниц.

Оба произведения связаны с фольклором по содержанию и форме. Фольклорная традиция у Кугультинова выражена сюжетом, сравнением девушки со сказочной красавицей Арагни-Дагни, ее взгляда с радугой, эпическими формулами и метафорами. В фольклорной традиции Дорджиев сравнил красоту девушки с красотой полной луны, с вечной звездой.

Разница между вариантами стихотворений у Д. Кугультинова заключается в усовершенствовании формы и содержания, у Б. Дорджиева — в сокращении текста (последнего катрена), в смягчении игривой интонации.

Ключевые слова: калмыцкая легенда, девушка-джангарчи, калмыцкая лирика, фольклорные традиции